

Закончив речь, Фэн Дунъюэ многозначительно улыбнулся.

Сделав вид, что не уловил скрытого смысла, Юнь Мэнцзэ спокойным, ровным тоном поинтересовался:

— Выходит, господин Фэн так рвётся на выписку из-за беспокойства о госпоже Фэн?

— Да нет, просто вспомнил кое-что личное, — Фэн Дунъюэ поймал слетевший лепесток. В его взгляде вспыхнула бездонная нежность — казалось, на ладони покоилось не соцветие, а сама его любовь. — Человек, которого я люблю, выглядел в платье безумно мило. До сих пор перед глазами та ночь, когда он лукаво ухмыльнулся и спросил: «Не ожидал, что у меня под юбкой спрятан такой сюрприз?» Хм, какой невоспитанный... Намекает на всякое, ни капли скромности! Но мне чертовски нравилось, когда он со мной заигрывал. И хотя он вечно норовил сбежать, я каждый раз ловил его... За исключением самого последнего.

Взгляд его потускнел, и он умолк.

Юнь Мэнцзэ слишком хорошо знал подобные уловки. Разыгрывать глубокую драму, выбивая сочувствие, — излюбленный, избитый ход.

— Звучит так, будто всё это была игра в одни ворота.

Фэн Дунъюэ, казалось, сам едва не растрогался до слёз от собственной показушной пылкости:

— Неважно. Лишь бы видеть его, быть рядом... Я готов на всё.

— Что ж, удачи, — сухо отозвался Юнь Мэнцзэ. Любовные перипетии прошлых «проходильщиков» его ничуть не трогали. — Господин Фэн, ваше состояние всё ещё не позволяет выписаться. Вам требуется профессиональная помощь и уход. Пожалуйста, взвесьте всё хорошенько, это в ваших же интересах.

Фэн Дунъюэ впился в него пристальным взглядом:

— Хочешь сказать, ты не желаешь моей выписки? Мечтаешь, чтобы я остался?

Сам ведь уходить никуда не собирался, а выкручивал так, будто это Юнь Мэнцзэ умоляет его задержаться. Подобное упрямство вызвало у врача лишь ироничную ухмылку.

— Именно. Как ваш лечащий врач, я настоятельно рекомендую продолжить курс терапии, — отчеканил Юнь Мэнцзэ сухим, подчеркнуто официальным тоном.

Фэн Дунъюэ сделал вид, что погрузился в глубокие раздумья:

— Что ж... Я мог бы остаться. Но у меня есть условие.

«Ишь ты, уже на шею садится», — подумал Юнь Мэнцзэ, но внешне остался бесстрастен:

— В вопросах здоровья условия не ставят. Решение за вами, я лишь забочусь о вашем благе.

— Условие пустяковое: я просто хочу поужинать с тобой, — Фэн Дунъюэ посмотрел на него с легкой обидой. Великому владыке замка, распоряжавшемуся тысячами жизней, приходилось юлить и выпрашивать совместную трапезу у собственного «зятя». — Значит, кому-то ты готовить успеваешь, а посидеть со мной за одним столом не можешь?

— Я не голоден, — обрезал Юнь Мэнцзэ.

— Тогда повесь вот это на окно у себя в кабинете, — Фэн Дунъюэ достал из кармана две вещицы и покрутил перед его носом. — Выбирай.

Это были ловцы снов — розовые сетки, розовые перья, усыпанные какими-то дешевыми блестящими стразами.

Какая... зефирно-розовая жуть.

— Уже поздно, — Юнь Мэнцзэ бросил взгляд на браслет и взялся за ручки инвалидного кресла. — Пошли в столовую. И чтобы после этого никаких капризов.

Сидя спиной к врачу, Фэн Дунъюэ медленно расплылся в довольной ухмылке.

Они пришли в столовую Зоны А. Юнь Мэнцзэ взял несколько блюд, и они заняли свободный столик. Скользнув взглядом по залу, врач случайно заметил Сун Луоина, который с трогательной нежностью кормил с ложечки Сяо-Ай.

Сун Луоин забился в самый дальний угол — от греха подальше, чтобы никто не подсыпал яд в тарелку. Усадив резиновую куклу себе на колени, он поднёс к её виниловым губам ложку с яичным пудингом:

— Дорогая, будь умницей, открой ротик, а-а-ам... Что? Хочешь, чтобы я поцеловал тебя и передал из уст в уста? Ну ты и шалунья... Тут же столько народу, хи-хи-хи!

Двое молодых санитаров, недавно окончивших колледж, при виде этой сцены мгновенно вспомнили липкий ужас, который испытывали в студенческой столовой при виде парочек,

кормивших друг друга с ложечки. Но те-то были живыми людьми! А здесь... Ну, не иначе как истинная любовь.

Фэн Дунъюэ посмотрел сначала на Сун Луоина, потом на Юнь Мэнцзэ, уткнувшегося в тарелку, и похлопал себя по коленям:

— Садись, я тоже буду тебя кормить.

Юнь Мэнцзэ окинул взглядом его ноги и со смешком, смешанным с легким раздражением, отрезал:

— Вы и так в инвалидном кресле, не изображайте из себя гиганта.

— А то ты не знаешь, насколько сильна моя нижняя половина тела, — подавшись вперед, прошептал Фэн Дунъюэ. Он с откровенным вождением разглядывал Юнь Мэнцзэ, смакуя каждый его жест. Выражение «аппетитная красота» будто создано было специально для этого человека.

Юнь Мэнцзэ чувствовал, что сценарий этого «проходильщика» завернул куда-то не туда:

— Как ваш «зять», я обязан быть в курсе таких деталей?

Фэн Дунъюэ подпёр щеку рукой и лишь многозначительно ухмыльнулся. Судя по этому загадочному виду, между шурином и зятем кроются весьма пикантные тайны.

Высокие отношения... Чем дальше в лес, тем жутче.

Заметив рассеянность врача, Фэн Дунъюэ зачерпнул ложку риса и поднёс к его губам:

— Еда не по вкусу? Не волнуйся, этот проклятый повар не доживет до полуночи. Завтра же прикажу привезти шефа из лучшего ресторана столицы, а сегодня придется перекусить чем есть.

Ложка уткнулась Юнь Мэнцзэ в губы, и тот поспешно отвернулся. Не доживёт до полуночи? Ты явно не представляешь, на что способны суровые поварёхи из больничной столовой.

— Доктор Юнь! — неожиданно вынырнул из-за спины Гуань Тун. Пряча руки за спину, он расплылся в сияющей улыбке.

— Поужинал уже? — улыбнулся ему Юнь Мэнцзэ.

— Ага! — Гуань Тун потерял свои хвостики. — Кстати, я просмотрел сценарий доктора Бая! У меня куча идей, в этот раз выйдет гораздо круче, чем раньше!

Прошлая психодрама дала так себе результат, поэтому Юнь Мэнцзэ и Бай Мо решили изменить формат. Новый сценарий уже раздали пациентам, а показ наметили через пару дней.

— Отлично, — отозвался Юнь Мэнцзэ, хотя про себя надеялся, что обойдётся без лишнего фееризма.

— В этот раз я наконец-то смогу выйти за вас замуж! Я прямо весь в нетерпении... Вы ведь тоже предвкушаете, доктор? — кокетливо пролепетал Гуань Тун. В прошлый раз он рвался сыграть роман учителя и ученика, но Юнь Мэнцзэ не дал ему развернуться.

— Конечно, очень жду, — мягко ответил Юнь Мэнцзэ, искренне надеясь, что на сей раз терапия окажется эффективнее.

Сияющий Гуань Тун умчался к себе — входить в образ.

Фэн Дунъюэ прищурился, одарив уходящего ледяным, испепеляющим взглядом. «Ты? Выйти за него? Да куда тебе до красоты моей... сестры!»

— Я закончил, — Юнь Мэнцзэ отложил палочки. — Ужин я с вами разделил. Надеюсь, вы сдержите своё обещание.

— Ничего с тобой не поделаешь, — Фэн Дунъюэ мгновенно спрятал мрак во взгляде и со вздохом наигранной снисходительности посмотрел на врача: — Раз уж ты так жаждешь видеть меня каждый день и молишь остаться, придётся уступить. Чего не сделаешь ради шурина!

«Я ведь так забочусь о тебе, зятек!»

Юнь Мэнцзэ осознал свою ошибку: не стоило называть предыдущего игрока «драматической актрисой». По сравнению с этим владыкой замка тот богатый наследник выглядел скромным любителем.

— Вот и договорились. Пойду обрадую директора, — мягко улыбнулся доктор.

Фэн Дунъюэ задумчиво побаюкал пальцами подлокотник:

— И ты вот так просто уйдешь? Чем займешься завтра?

— Работой, естественно. Предстоит сумасшедшая неделя.

Фэн Дунъюэ отвёл взгляд и небрежно бросил:

— Нужна помощь? Может, сходить с тобой? Если попросишь, я отложу любые дела и буду рядом.

— Вы же отказались от участия в психодраме, — ответил Юнь Мэнцзэ. Задача была выполнена, и вести дальше бессмысленные беседы он не намеревался. — Роли распределены, сценарий утверждён, лишние люди не нужны.

Фэн Дунъюэ уставился на него с глубочайшей обидой. «Кобель проклятый! Ты совсем разлюбил мою... сестру!»

Увы, затенённые очки свернули всю ментальную атаку обеспокоенного шурина. Юнь Мэнцзэ даже не взглянул на него и, уже уходя, бросил через плечо:

— Отдохните хорошенько, а то синяки под глазами станут ещё темнее.

Силуэт доктора скрылся за дверью, и потухший было взгляд Фэн Дунъюэ за тёмными стёклами вновь вспыхнул. А всё из-за единственной, брошенной мельком фразы, в которой ему мерещилась забота.

Некоторым нужно совсем немного. Им не важна глубина собственных жертв и не требуются громкие пылкие признания — достаточно чувствовать, что о них помнят. Обычный взгляд, залетное слово, едва заметное движение способны заполнить всю душу.

Фэн Дунъюэ отправил в рот ложку риса, касавшуюся губ Юнь Мэнцзэ. Пресный рис показался ему сладким, словно патока. Сокрушительный успех! Считай, косвенный поцелуй.

В превосходном расположении духа он активировал браслет и удалил давешний снимок чужой кисти. Чужие фотографии его не прельщали. К тому же всё это время у него велась скрытая видеозапись.

Он просмотрел ролик раз десять, без усталости нарезая скриншоты: во весь рост, крупным планом, отдельные детали... Больше двухсот кадров! И каждый казался шедевром. Уйму времени пришлось убить, чтобы выбрать идеальный кадр для экрана блокировки и ещё один, лучше, — на рабочий стол. Глаз не оторвать.

Каждое движение Мэнцзэ, каждый жест и микромимика завораживали. Эх, уменьшить бы его до размеров карманной куколки и носить всегда с собой...

И пусть объект его страсти упорно корчил из себя недотрогу, это ничуть не остужало пыл. Он найдёт способ сделать так, чтобы Юнь Мэнцзэ не знал покоя ни секунды, стоит им расстаться.

С этой мыслью Фэн Дунъюэ легко поднялся с инвалидного кресла, оставив его позади, и направился к Сун Луоину.

Второй молодой господин Сун со своей пассивностью продолжали разыгрывать шокирующие публичные нежности, когда над его головой вдруг нависла внушительная тень. В ту же секунду он выставил возлюбленную перед собой в качестве щита и заикательно выдохнул:

— Б-брат Дун... Вы чего тут?

— Скучно ужинать в одиночестве, вот и решил перекинуться парой слов, — Фэн Дунъюэ присел рядом и с доброжелательным прищуром спросил: — Ты чего дрожишь? Будто боишься меня.

«А то нет!» — подумал Сун Луоин, но вслух выдал:

— Н-нисколько! Брат Дун — добрейшей души человек, на днях вот в гольф меня позвал поиграть...

В гольф? Фэн Дунъюэ на секунду замешкался, а затем вспомнил предыдущего обитателя своего тела. Тот тип болтал сплошные сальности, а сам вечно впадал в уныние. С утра пел бравые марши, а пока чистил зубы — успевал переключиться на траурную элегию.

Справа секретарь, слева медсестра. Божился, будто помнит имя каждой, а сам звал всех подряд «принцессами», «зайками» да «ангелочками». Строил из себя рокового соблазнителя, а на деле оказался убогим трусом, так и не решившимся открыть чувства тому, кого любил.

Собирал сплетни по всем углам, выуживал чужие секреты, хотя сам был напичкан тайнами по горло. Выделявал сумасшедшие кренделя каждый день — и всё равно не смог вызвать у Юнь Мэнцзэ ни капли искреннего интереса.

Хлам, а не соперник.

Покрыв предшественника мысленными ругательствами, Фэн Дунъюэ с теплом произнёс:

— Главное, чтобы тебе нравилось. Мэнцзэ относится к тебе как к родному брату, так что и я обижать не стану. Кстати, ты ведь тоже задействован в этой психодраме?

Сун Луоин закивал как заведённый. По правде говоря, в прошлые дни Фэн Дунъюэ тоже вел себя вполне мило, но тогда от него веяло искренней теплотой. А сейчас за этой ласковой улыбкой крылась такая ледяная фальшь, что мороз драл по коже.

— И... и Сяо-Ай тоже, — пролепетал он, дрожа мелкой дрожью.

Фэн Дунъюэ перевел взгляд на резинового идола в его руках:

— Мэнцзэ дал ей роль?

— Ну да! Брат Юнь сказал, что Сяо-Ай безумно фотогенична, так что ей досталась роль трупа девушки, выбросившейся из окна. — Сун Луоин никак не мог уловить ход мыслей собеседника и ужасно боялся, что тот в любой момент вонзит вилку в куклу... или промахнется и всадит её ему в руку.

Фэн Дунъюэ намотал на палец прядь синтетических волос куклы:

— Неважно, кто твоя избранница: человек, призрак, зверь или кукла. Истинные чувства заслуживают благословения.

От этой вспыхнувшей в глазах владыки «нежности» у Сун Луоина волосы встали дыбом. К счастью, Фэн Дунъюэ лишь миролюбиво предложил ему продолжить трапезу и попутно поинтересовался:

— И каков сюжет постановки?

Запинаясь и сбиваясь, Сун Луоин вкратце обрисовал фабулу и персонажей. Аппетит у него пропал окончательно.

— Значит, Гуань Тун опять в главной роли, а Мэнцзэ играет с ним на пару? — погрузился в раздумья Фэн Дунъюэ.

Дождавшись онемелого кивка, он вежливо поблагодарил, утер губы салфеткой и отбыл.

Стоило ему покинуть столовую, как Сун Луоин без сил рухнул лбом на стол.

Он прекрасно понимал причину этого визита! Никакой интерес к театру тут и рядом не стоял — это был чистейший шантаж. Фэн Дунъюэ вовсе не добрый самаритянин, благословляющий влюбленных, а безжалостный коллектор, намекающий: не вернешь долг — прощайся с любимой!

Что теперь станет с Сяо-Ай? Её отдадут в бордель отрабатывать долги? Заставят ублажать старых плешивых папиков? Боже, какой же он никчёмный! Не способен защитить собственную женщину... Разве он после этого мужчина?!

По столовой разнеслись тоскливые всхлипы, в которых явственно слышался заунывный мотив скорбной народной песни.

Завершив доклад директору, Юнь Мэнцзэ отправился домой. Устроившись в гостиной, он собирался включить что-нибудь по телевизору, как вдруг взгляд зацепился за подарок Фэн Дунъюэ.

Маленькая коробочка покоилась на журнальном столике. Взяв её, доктор открыл крышку. Камень-хранитель идеально соответствовал его знаку зодиака — слегка неправильной формы, с необработанной, естественной текстурой.

В душе Юнь Мэнцзэ проснулось сочувствие к Фэн Дунъюэ. Какое же несчастье — раз за разом становиться марионеткой в руках инородных душ, лишаясь права на нормальную жизнь. Обида и боль от такой судьбы должны быть невыносимы.

К счастью, Фэн Дунъюэ отличался исключительной предусмотрительностью и наладил свои дела так, что даже во время атак чужаков катастроф не происходило. Разве что самому хозяину тела приходилось переживать дикий стыд, наблюдая за позорными выходками вселенцев.

Едва он отложил коробочку, браслет звякнул входящим уведомлением:

****[Замечательный вышел ужин! Надеюсь, в следующий раз вкушу блюда твоего собственного приготовления.]****

Оставь такое без ответа — и владыка замка устроит очередное представление. Поразмыслив, Юнь Мэнцзэ отпечатал:

****[Готовить я буду твоей сестре.]****

На первый взгляд — заботливый зять обещает порадовать супругу, но подтекст тут прочитывался однозначно: «Ага, хрен тебе без масла».

Ответ прилетел мгновенно:

****[Договорились! *Стикер с суровым воителем, шлющим воздушный поцелуй*]****

Юнь Мэнцзэ только и смог, что тяжело вздохнуть. Сбросив браслет на диван, он решил, что пока придерживается этой линии, дистанцию с эксцентричным шурином выдерживать удастся.

Наступила новая неделя. Юнь Мэнцзэ и Бай Мо приступили к подготовке очередной психодрамы.

Как детский клинический психолог, Бай Мо лучше всего ориентировался в сказочных сюжетах. На сей раз выбор пал на «Птицу Фетишер» — историю, перекликающуюся со

сказанием о Синей Бороде. Запретная комната в ней олицетворяла закрытые уголки разума; проникновение туда пациента — готовность встретиться со своими демонами, а одоление злодея — преодоление страха, отпор насилию и обретение спасения.

Наблюдая, как коллега с азартом вбивает параметры в терминал, Юнь Мэнцзэ покачал головой:

— Тебе так нравится делать из меня злодея?

— Ха-ха! Ну а кто ещё, кроме вас, шикарно сыграет очаровательного антагониста? — ухмыльнулся Бай Мо.

Увидеть, как «коварного старшего сокурсника» наконец-то побеждают, — что может быть усладительнее?

Юнь Мэнцзэ нацепил свою фирменную, исполненную мягкой укоризны улыбку:

— Ах да... Я тут вспомнил, что твой отчет по психологическому тестированию за прошлый месяц ещё у меня. Нынче вечером доберусь до него и перепроверю на предмет недочётов.

Персонал санатория проходил диагностику раз в квартал. Всякие отклонения в результатах грозили служебным расследованием и ворохом бюрократических проблем. А Юнь Мэнцзэ, как старший группы, лично утверждал все заключения перед отправкой «наверх».

Бай Мо мгновенно вцепился в полы его халата, состряпав умильно-умоляющую физиономию:

— Старший брат, я был неправ! В выходные угощаю ужином, заведение за тобой!

Юнь Мэнцзэ с отеческой лаской погладил его по макушке:

— Вот и умница.

Бедный Бай Мо уже наяву услышал, как плачет его кошелёк.

Впрочем, доктор лишь подшучивал над ним. Если дело касалось блага пациентов, Юнь Мэнцзэ согласился бы сыграть хоть слизняка.

— Кстати, ты ведь ездил в школу Гуань Туна? Накопал что-нибудь интересное? — спросил Бай Мо.

— Даже если там имел место буллинг, руководство школы сделало всё, чтобы замять инцидент,

— ответил Юнь Мэнцзэ. — Зато в тот год, когда Гуань Тун учился в десятом классе, гремело дело о гибели старшеклассницы.

Бай Мо резко обернулся:

— Это как-то связано с ним?

Юнь Мэнцзэ качнул головой:

— Погибшая училась в выпускном классе, да и трагедия произошла вне школьных стен. Навряд ли между ними была прямая связь. В целом репутация у заведения достойная, кроме того случая никаких темных пятен.

— Порой расстройств не имеют внешних триггеров, всё упирается в органические поражения или генетику, — зная вездливость коллеги, не удержался от замечания Бай Мо.

Юнь Мэнцзэ и сам это понимал. И всё же резкий перелом в поведении Гуань Туна при переходе из средней школы в старшую не давал ему покоя. Подобные метаморфозы редко происходят на пустом месте, без мощного психологического шока.

Посреди обсуждения медсестра Чжун Мянъ сообщила, что доктора Юня ожидает родственник одного из пациентов. Оставив доработку сценария коллеге, Юнь Мэнцзэ отправился к себе.

Распахнув дверь, он увидел мужчину лет сорока пяти. Посетитель выглядел весьма представительно — элегантный костюм, благородные черты лица, хотя глубокие вертикальные заломы меж бровей придавали его облику жесткое, угрюмое выражение.

Десятиминутное ожидание явно вывело его из себя, но при виде врача он постарался взять себя в руки:

— Здравствуйте, доктор Юнь.

— Добрый день, — Юнь Мэнцзэ ответил на рукопожатие. — Присаживайтесь, господин Гуань. Чай, кофе?

— Не стоит, — отмахнулся отец Гуань Туна, заглянувший к сыну впервые за три месяца. — Дел выше крыши... Как тут Тун-тун? Налаживается поведение?

Юнь Мэнцзэ слегка улыбнулся:

— У нас ведь не исправительное учреждение. Главная задача — обеспечить пациентам покой и

избавить их от стресса, с которым они сталкивались в обществе.

Господин Гуань явно не разделял подобного подхода:

— Всё это так, но я плачу огромные деньги за лечение! Хочу, чтобы он стал нормальным человеком, а не выродком. Скажите честно, доктор: он всё так же выкидывает свои мерзкие фокусы?

Ему было тошно даже подумать об этом. Позорище — сын разгуливает в платьях и сидит в дурке!

Улыбка мгновенно сбежала с лица Юнь Мэнцзэ. Он заговорил строго и сдержанно:

— Настоячиво рекомендую вам воздержаться от ярлыков вроде «выродок» или «урод» при общении с сыном. Это вредит терапевтическому процессу.

В глазах господина Гуаня вспыхнуло раздражение:

— Думаете, мне приятно?! Да у меня закипает от одной мысли о его срамных выходках! Вы представляете, каково это, когда сосед ловит твоего сынка на краже колготок?! Позор на всю улицу! А когда он припёрся в школу в девичьем платье, и меня вызвал завуч? Вы видели, КАК на меня смотрели люди по дороге?!

— Даже здоровые люди регулярно сталкиваются с чужим предвзятым мнением, — терпеливо возразил Юнь Мэнцзэ. — Гуань Тун болен. Кому, как не родному отцу, проявить к нему сострадание и чуткость?

— Болен... Ха! — горько усмехнулся Гуань. В его представлении болезнью считались рак, инфаркт или простуда. — Да я бы лучше все имущество продал и в долги влез, будь у него рак! Лишь бы не видеть, как он паясничает, словно извращенец!

Несмотря на поток жестоких, режущих слух слов, Юнь Мэнцзэ продолжал удерживать на лице безупречно-профессиональную мину. Лишь железное самообладание удерживало его от того, чтобы с позором выставить этого человека за дверь.

<http://bllate.org/book/20119/1991983>